

Олег ТАБАКОВ:

«Могу играть с табуретками»

В минувшую субботу в Ярославском ТЮЗе спектаклем «Дядя Ваня» завершился фестиваль «Золотая маска». Поэтической и трогательной постановке Миндаугаса Карбауэкиса зрительский успех был гарантирован. А вот станет ли она лауреатом премии этого года, будет известно только в апреле. В спектакле в основном заняты мхатовцы, и идет он на сцене МХАТ имени Чехова, но считается тем не менее постановкой театра-студии под руководством Олега Табакова. В антракте Олег Павлович ответил на вопросы журналистов. Неизменно благодушный, ироничный и естественный, он так изумительно «инсценировал» свои ответы, что впору вставлять ремарки в текст интервью, чтобы передать хотя бы сотую долю его артистизма.

— Олег Павлович, когда вы поняли, что уже не вы работаете на имя, а оно — на вас?

— (Лукаво.) Думаете, оно работает? (После длинной паузы.) Вы знаете, есть такая наша мудрость: в России надо жить до-о-олго, чтобы получить то, что ты заслуживаешь. Я вообще-то довольно круто менял свою жизнь несколько раз. И, наверное, нельзя сказать, что до такой степени думал об имени или о том, кто на кого работает. Скажем, по окончании школы-студии МХАТ я был распределен в театр имени Станиславского к Михаилу Михайловичу Яншину вместе с моим сокурсником Женей Урбанским. И в это время я взял и ушел в не сулящую ничего определенного студию молодых актеров, из которой впоследствии родился театр «Современник». В 1970-м после назначения Олега Ефремова главным режиссером МХАТа решил стать директором «Современника». В 1983-м оставил «Современник» и стал актером МХАТа. А в 1985 году — ректо-

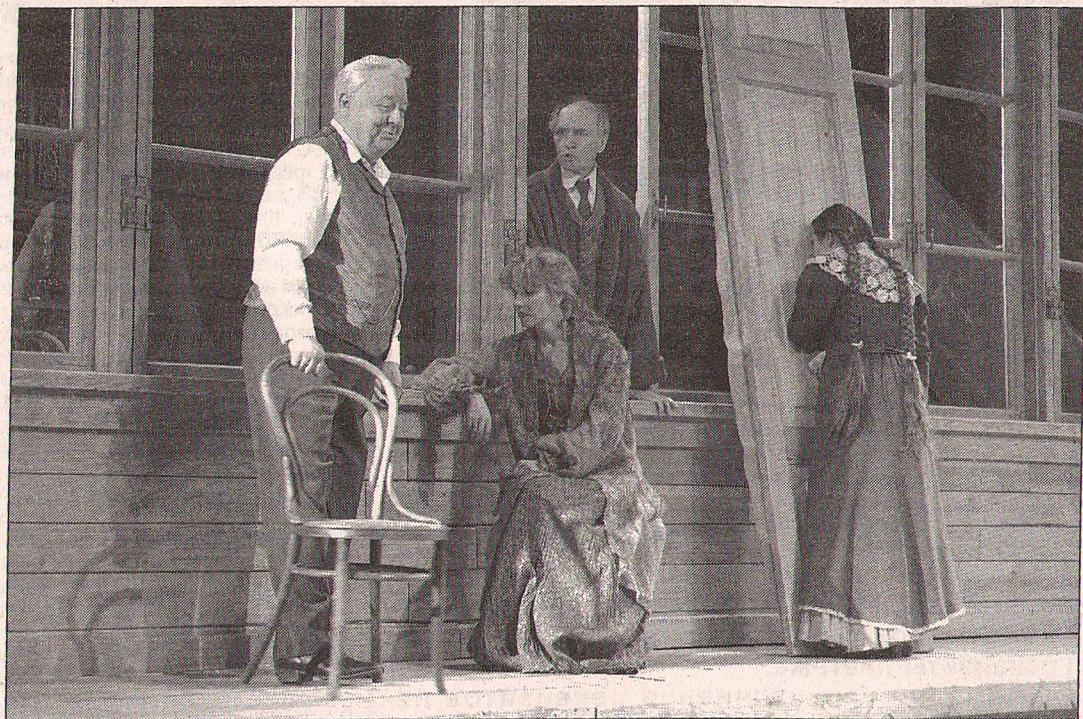

Фото Вячеслава ЮРКСОВА.

ром школы-студии МХАТ... Ну и так далее. Если вы заметили, в общем, довольно крутые жизненные повороты. Причем я это делал сам, а не «волею пославшей мя жены».

— Почему из всех постановок чеховских пьес на «Маску» выбрали именно эту?

— Право выбора было за самой премией, это их вкус. Хотя я не могу сказать, что он, этот вкус, дурной.

— А вашим театром почему был выбран «Дядя Ваня»? Может быть, это вопрос больше к режиссеру, но все же...

— «Дядя Ваня» был выбран мной. Чтобы мне же ставить его в подвале — в театре на улице Чаплыгина. Но с появлением Миндаугаса Карбауэкиса я решил наступить на горло собственной песне. Ведь я не режиссер, у меня нет этого таланта. Как мне кажется, работа получилась серьезная, достаточно неожиданная для сегодняшнего времени. В ней нет ни кокетства, ни жеманства. Она довольно строгая и даже с такой вполне балтийской суровостью. Миндаугас у нас хуторянин...

— Именно поэтому на сцене сплошная деревянная конструкция?

— Да нет. Кстати, во МХАТе шутили: кому, дескать, на дачу пойдет это все, когда закончится прокат спектакля? Нет, это такой современный, довольно строгий взгляд на пьесу Чехова.

— Выбор вашей супруги на роль вашей супруги — вряд ли случайность?

— Ну-у-у, конечно, у нее связи! (Смеется.) Нет, это все-таки выбор Карбауэкиса.

— А вам сложно играть с супругой?

— Нет! Мне ни с кем играть не сложно. Я люблю играть. Могу играть с табуретками, с животными...

— Евгений Урбанский когда-то снимался в Ярославле в фильме Чухрая. А есть ли у вас воспоминания, связанные с нашим городом?

— Есть! (С явным удовольствием в голосе от предстоящего рассказа.) В 1982 году, кажется, я был здесь с театром «Современник». Приехал — по тем временам роскошно — на собственной «Волге». Оставил ее возле гостиницы, где ночевал. А утром (прищуривается и

выдерживает паузу) гляжу: с левой стороны нет колес! Найти их, конечно, было невозможно. Но поскольку тогда мое лицо уже мелькало, какой-то военный дал мне одно колесо. Еще одно было у меня в запаске. Я доехал... В вашем городе я бывал, и не раз. Через него проезжал, когда возил свою первую студию на Вологодчину — в Кириллов, в Феропонтову пустынь. Это была командировка от ЦК комсомола, даже автобус выделили. Я ваш город знаю, с нежностью к нему отношусь. С нежностью корпоративной — все-таки Федор Волков отсюда.

— Нет желания приехать к нам на гастроли с вашим театром?

— Это вопрос материальный. Я обычно делаю так: нахожу кого-то, кто может проплатить гонорар театру. Таким образом я получаю право устанавливать цены на уровне покупательной способности данного региона. Мы так ездили в Самару, Саратов, Новосибирск, Нижний... в Японию. Я на Запад не езжу, на Восток езжу!

— Но в Германии ведь были?

— (С интонацией кота Матроскина.) Ну-у-у... (И затем вполне серьезно.) Я довольно трезво, чтоб не сказать критично, отношусь к положению европейского театра. Тут я не схожусь в суждениях с нашей театральной критикой. Самый живой, самый способный к рождению живого театр сегодня находится в России. Это я знаю. По сути дела, связано это с нашими бедами, сменой социально-экономического строя, с драмами человеческими, с обделенными стариками и детьми.

— В одном из интервью вы сказали, что не хотели бы возвращаться в советские времена. И те, кто хочет туда, пойдут без вас.

— Я полагаю, что за вычетом, может быть, 20 процентов населения никто не хочет возвращаться в советские времена. А те, кто хочет, думаю, не в советские времена хотят вернуться. Они просто помнят, что были молоды и любили, открывали для себя жизнь. Так что — нет, я сторонник либеральной экономики.

— Вы ведь один из немногих, кто успешен в современном театре как руководитель?

— Да. И над этим стоит подумать. Значительная часть моих коллег плывет по течению, как глупые бревна... Я сам из Саратова. Так вот, когда вскрывается Волга, топляк плывет к Каспию. И может пристать к левому берегу, к правому... Так и они. А театр — это предприятие. Когда кто-то из моих коллег высоколобых рассказывает, что напьюсь с Богом разговаривает, я думаю: у-у-у, парень, ты либо шу-у-улер, либо шу-у-улер, что примерно одно и то же. Понимаете, я ведь знаю, сколько денег даю на хозяйство Марины каждый месяц, и предполагаю, что мои коллеги делают примерно то же самое. Так что художественные задачи — художественными задачами, а уровень жизни людей, которыми ты руководишь, надо постоянно повышать. Что я и делаю. И только в этом смысле я говорил бы о своей успешности.

— А разве актерский успех для вас не важен?

— Вы знаете, актерский успех как-то уж так давно у меня состоялся. Чего мне об этом заботиться? (Смеется.)

— В пьесе «Дядя Ваня» один из героев говорит, что нельзя быть в России успешным и оставаться чистеньким...

— Это вам судить! Но добавлю: останутся жить те театры, которые наряду с занятием искусством научатся зарабатывать деньги. Не смогут этого делать... (Разводит руками.) Хотя это вовсе не означает, что театр может быть рентабельным. Но все эти охи, вздохи моих коллег по поводу реформы... Чего дурака валять? Какая театральная реформа? Идет реформа жизни! И только малой частью этих преобразований является театр. И вдруг — (ехидно) ну нет важнее проблемы в стране, чем театральная реформа! Старики без денег оказались — да ладно, (с пафосом) театральная реформа!

— Вы ведь прислали деньги одной женщине в Ярославль, прочитав...

— (Обрывая на полуслове.) Зачем об этом говорить? Я вот помню, когда по Саратову гнали первую колонну пленных немцев. (Вздыхает.) Мне было семь с полтиной, баба Оля взяла нашу дневную пайку хлеба, порезала и сказала (переходит почти на шепот): «Пойди отдай им». Так что как в семье воспитывали, так я и живу.

— А своими детьми вы довольны?

— Ну почему нет? Младший ходит в школу, таскает и тройки, и двойки, и пятёрки. Веселенький такой. Старший довольно круто судьбу свою повернул: был актером, решил перестать им быть. И сегодня он среди динамично развивающихся московских рестораторов. Его внимательно, с интересом слушают люди. Хорошая пища, которая досталась ему от бабушек, пошла впрок!

— Можно после спектакля продолжить нашу беседу?

— Я сразу же поеду в Москву, к сожалению. А будет время — мы поговорим и-им!

Беседовала Лариса НИКОЛАЕВА.